

“Чем знаменита, чем прекрасна нация? Не одними железными дорогами и фабриками, не всемирно-удобными учреждениями. Лучшее украшение нации – лица, богатые дарованием и самобытностью. Лица даровитые и самобытные не могут быть без деятельности творчества; когда есть лица, есть и произведения, есть деятельность всякого рода”.

Эти слова Константина Леонтьева, одного из наиболее самобытных и прозорливых представителей русской мысли, как нельзя более применимы и к героям этой книги, и к личности автора – Валерия Николаевича Ганичева, писателя, учёного-историка, общественного деятеля и в широком, общем смысле – хранителя и зрителя духовного отечественного благополучия. Просты слова, сказанные К. Леонтьевым, но вызреть они могли только у человека одного уровня с обществом “лиц”, к которым эти слова относятся. Не ниже. Снизу не заглянешь и не поймёшь. Снизу весь этот механизм общественного служения покажет настроенным на работу вечно, требующим лишь замены стёршихся деталей. В действительности же это не “фабрика”, а некое кустарное, индивидуально-добровольное посвящение себя общему делу, приводимое в действие, с одной стороны, родовыми и небесными дарами, а с другой – общественными потребностями. Поле деятельности таких “лиц” – вся великая российская земля вместе с её высотами и глубинами, поделённая на плодородные участки. В одни времена они более урожайны, в другие – менее: курганы их возвышения – свидетельства былых подвигов – зарастают одичавшей травой. Но нет и не может быть подвигов, за давность столетий совсем уж замолотых, если творились они во славу Отечества, как не может быть и славных имён, навсегда погребённых в беспомытстве. Вся Россия в её историческом продолжении есть животворное подхватывание и развитие великого прошлого, и, если настоящее недостаточно впитывает его в себя, если оно смотрит на него лишь как на ряд блистательных захоронений, тем слабее это настоящее.

А ведь и писатель, берущийся за историческое повествование и тревожащий дух исторической личности, каким бы воображением и художественностью ни украшал он свою работу, всё равно уже одним прикосновением к этой личности берёт на себя ответственность за её судьбу в настоящем, за то, бесплотной ли тенью заглянет она, жительница иных времён, к нам из своего далека, или придёт такой герой по-отцовски, чтобы предложить свой опыт и посильную помощь.

Ещё одно отступление

Наша история, похоже, развивается толчками, импульсами; за сверхчеловеческим напряжением сил и мускульной деятельностью наступают затишье, самоуглублённость, деятельность духовного рода. Вслед за былинной жизнью князей Киевской Руси, беспрестанно воевавших со Степью, но и во-

дружавших победный щит на воротах Царьграда, высмотревших за его стенами новую веру, которую ждала русская душа, — вслед за этой радужной, прямо-таки солнечной страницей — долгая глухая ночь татарского ига. Но в ней-то, в этой ночи, когда отстаивание своих земель вершилось не столько военными походами, сколько монастырским строительством, и улеглась без спешки в нашем предке православная молитва и произошло полное “строение” русского человека. После этого уже можно было идти на Орду и брать Казань. Но история и тут не дала спокойного хода: после абсолютизма при Иване Грозном — Великая Смута и брожение, потребовавшие во имя государственного инстинкта ещё и инстинкт общественный, который и явило ополчение Минина и Пожарского. И опять неизбежное уравнивание, отмах маятника в противоположную сторону: за Смутой — правление тишайшего Алексея Михайловича, затем во весь XVIII век — кипучая деятельность Петра и Екатерины, имперские знаки на государственном титуле, имперское сознание в обществе. После войны с Наполеоном и победного похода в Европу — опять “отдых” и физическая вялость, николаевская “замундированность” второй трети XIX века и одновременно внутри неё — “золотой век” русской культуры. Остаётся добавить немного: после революции и невиданного энтузиазма первых пятилеток, после “крепкой руки” Сталина и воссоединения по результатам Второй мировой войны в одно целое всего, что территориально могла вместить в себя Россия, — малоподвижность и даже как бы старение государственного организма, внутри которого опять же происходит собственная жизнь, и всё неукротимей подаётся на поверхность возбуждённое национальное сознание, затоптанное в глубины ещё со времён революции... И самое последнее и трагическое, как расплата за могущество, с которым не справилась страна, — “перестройка”, националистическое бурление по окраинам и распад Советского Союза, а за ним — разрушение экономики России, поход, всё ещё продолжающийся, “пятой колонны” вместе с Западом против русской самобытности, против всего “несказуемого и невидимого” (В. Розанов), что составляет духовный и нравственный смысл нашего земного существования.

Конечно, это всего лишь внешняя картина истории, графическое изображение её “кардиограммы”. Вверх-вниз, вверх-вниз, возбуждение и затухание, рыбки и остановки, сцепление и расхождение... Значит ли это, что мы нация, не умеющая тянуть равномерно? Но история не отдыхает, “отдыхать” могут, как всё живое, измождённые члены национального тела, в котором одна деятельность сменяется другой и происходит таинственное подтягивание тылов. Мы живём размахисто, нелинейно, но разве эта нелинейность не говорит о широте наших побуждений и незаземлённости наших идеалов, о том, что духовное значит для нас несколько не меньше, чем материальное, что прочно привязываться к материальному мы не умеем? Такая в нас природа, такой характер. По русскому обычаю всё высшее представлять в похожем на нас многострадальном образе (вспомним тютчевское: “Всю тебя, земля родная, // в рабском виде Царь Небесный // исходил, благославляя...”), нам и историю свою хочется видеть в облике простого мужика в трёх ипостасях — работника, воина и молитвенника, — поспевающего за нами с лёгкой котомочкой за плечами в поисках справедливого земного царства.

Поэтому и история наша сказывается совсем по-иному, нежели в чувственно холодных, рационально устроенных странах. Бесстрастной летописи событий не было ни у Татищева, ни у Карамзина, ни у Соловьёва, ни у древних авторов “слов”, “сказаний” и “плачей”. Никто из них не мог обойтись без личной скорби или радости, без гордости или веры в утешение, над которыми всегда возвышался православный крест. Без этого Русь неизъяснима. Даже когда отчаяние доходило до последнего, до картины распятой Руси, как это случалось у историков русского зарубежья после революции, то и тогда распятие невольно и непременно предполагало веру в иную, обновлённую жизнь.

На том стоим

Первые и главные слова у Валерия Ганичева во всех его работах — Держава, Отечество, Государство и государственный, Святая Русь. Пошатнулась держава, и они сделались ещё необходимей, они, подобно гвоздям, удерживают в сознании вековечные спасительные крепости и дают направление сего-

дняшней деятельности. Не станем, не станем отвлекаться на то, как много сейчас под защитой и под флагом Государства Российского творится противу него самого, нашего государства. Это бывало и прежде, разумеется, не в таких масштабах и не с такой наглостью. Но никакое сердце не ошибётся, когда слышит оно обращение к себе, зовущее его в стан наследников того самого неукротимого и яркого подвига, которым когда-то собиралась и утверждалась великая держава.

“Люблю XVIII век российской истории, — признаётся В. Н. Ганичев и добавляет: — Всё в нём было”. Было всё — “и размашистые победы, и обидные неудачи”. И всё же от сегодняшнего удаления, от удаления, занявшего два полных столетия, XVIII век видится великолепной позолоченной вершиной, с которой не сходит сияние славы его деятелей. Рядом с этой вершиной в такой же высоте и романтической красоте ничто более не вставало. Именно тогда Россия превратилась в империю и окончательно распахнулась на все четыре стороны. Тогда же русский человек очнулся от своей вековой дремоты и распрявился в ощущении своих могучих сил для творчества всякого рода. Россия помолодела и встала в ряд самых могучих мировых держав. Общественное воодушевление не могло тогда ещё сполна охватить низы, но оно не могло и не коснуться их, потому что без народа ни одно государственное предприятие не сумело бы сделаться. А из любимого XVIII века самое слабое в нём для В. Н. Ганичева — время “державницы” Екатерины. Оно подхватило деяния Петра уже не в грубой ломке старого, не через колено, а в естественной потребности их продолжения. Лучшее из Петрова дела прижилось, пустило корни, и ещё заметней стало, что оно не окончено. Россия как бы накренилась в северную сторону, в сторону Петербурга, туда и скатывалась вся энергия и жизнь, а юг всё ещё оставался в чужих руках, и ежегодно тысячи русских людей, как во времена полونا, угонялись на азиатские невольничьи рынки.

“Росс непобедимый” — вот название того величественного периода нашей истории. Так называется повествование В. Н. Ганичева о выходе России к Чёрному морю и заселении южных земель. Туда и пошла новая Россия, там, на сдвинутых к морю рубежах, встала Новороссия, строившаяся с тем же размашистым имперским почерком, что и Петербург.

Следом за балтийским окном в Европу было прорублено черноморское, Россия взяла силу и правду не только по левую руку, если смотреть встречу солнцу, но и по правую, одесную, а там, на востоке, росс обживал тихоокеанское побережье и выходил к берегам Америки. Это было время неудержимых походов полководца Суворова и флотоводца Ушакова, время возвышения крестьянского сына Михайлы Ломоносова в “велика мужа” в науках и искусствах, время Потёмкина и Державина, Татищева и Андрея Болотова. Как величаво и твёрдо звучало тогда наше имя — росс! Какую оно несло в себе мощь! Не забудем ещё, что в 1799 году было найдено “Слово о полку Игореве”, и современность живым руслом соединилась в одно целое с древностью. Никогда ещё русская корона так высоко не поднималась в мире и никогда до того русская жизнь так не тянулась к просвещению, к той наибольшей пользе, которую способны дать Отечеству все его сословия.

И самые-самые избранные из “птенцов гнезда Екатерининого”, самые почитаемые герои у Валерия Ганичева, с которыми он не расстаётся почти двадцать лет, продолжая “разрабатывать” их, как ценнейшие месторождения, всё глубже и глубже, чтобы ничто из их золотых запасов не прошло мимо сердец и душ ныне живущих, — это адмирал Фёдор Фёдорович Ушаков и тульский дворянин-самоучка, преуспевший во многих занятиях, а пуще всего в литературной склонности, Андрей Тимофеевич Болотов. И тот, и другой были личностями настолько необыкновенными (а разве были обыкновенными Александр Суворов и Михайло Ломоносов, историк князь Щербатов и автор оды “Бог” Гавриил Державин?), что при размышлении о счастливых обстоятельствах их происхождения невольно приходит в голову: упали самородками прямо с неба, ибо никакое, самое удачное сложение земных частиц не могло бы дать столь удивительных результатов. Однако же, чтобы и с неба упасть, надобно было внимательно высмотреть землю, куда падать. И это уже после них, оплодотворив ими эту землю, легче было складываться счастливым обстоятельствам. Имя адмирала Ушакова выписано в нашей истории крупными буквами. Не проиграл ни одного из сорока морских сражений, неожиданными и хитроумными манёврами побеждал меньшинством, брал самые неприступные крепости, был

“слуга царю, отец солдатам”. Но и аршинные буквы в неблагоприятных условиях, когда занавес героического прошлого попытается закрыть, а настоящая почитает героев мало, способны отдаляться, словно призрачные назидания, и затмеваться. Великая заслуга Валерия Николаевича Ганичева (и это нисколько не преувеличение) в том, что он прояснил, “протёр” от ржавчины, оживил и эти события, и эти буквы, вновь провёл русскую эскадру “времён Очакова и покоренья Крыма” победоносными маршрутами сначала на Чёрном, а затем и Средиземном морях. Мало кто помнил уже, что адмиралу Ушакову довелось быть в тех событиях не только воином, но и дипломатом, правителем Республики Семи греческих островов, освобождённых им теперь уже в союзничестве с турками, своими недавними врагами, от французов.

И уж совсем мало кто знал последующую жизнь Фёдора Фёдоровича Ушакова, жизнь, перешедшую в житие, а затем и в святость. В чуде последнего перехода, случившегося совсем недавно, Валерий Николаевич Ганичев принял непосредственное участие. На склоне лет Фёдор Фёдорович Ушаков, выйдя в отставку, поселился в глухой деревне неподалёку от Санаксарского монастыря на Тамбовщине. Великий воин за Россию превратился в великого молитвенника за Россию, и эта вторая служба, так естественно вытекающая из ратной, оказалась для нашего Отечества не менее полезной и получила недавно продолжение в вечности.

В 1995 году Валерий Николаевич Ганичев берёт на себя смелость обратиться с письмом к Патриарху Алексию II, в коем просит Святейшего рассмотреть вопрос о возможной канонизации и причислении к лику святых Русской Православной Церкви Ф. Ф. Ушакова. Основания приводятся следующие: пожизненная судьба адмирала, отданная православному Отечеству и молитвенному служению, а также чудеса вокруг места его упокоения в Санаксарском монастыре, которое всё больше превращается в место паломничества.

Только у одного человека в России был в это время такой авторитет, чтобы обратиться с подобным ходатайством к главе Русской Православной Церкви с надеждой на успех. И чудо продолжилось. В первый год нового тысячелетия, как необходимое прибавление к знаку непоручимости России в веках и народах, состоялось прославление и причисление к лику святых адмирала Флота Российского, праведного сына Отечества Ф. Ф. Ушакова. Наше воинство обрело ещё одного своего небесного заступника, во флоте особенно сейчас нужного.

Вот как надо хлопотать о продвижении своего героя – учиться, братья-писатели!

И вторая из замечательных фигур прошлого, которую В. Ганичев взял в спутники своего творчества, – “тульский энциклопедист”, “дела делатель” Андрей Тимофеевич Болотов. С одной стороны, о Болотове писать было легко: он оставил огромное повествование “Жизнь и приключения Андрея Болотова, описанные самим им для своих потомков”. А с другой стороны – чрезвычайно трудно: чтобы выворотить эту глыбу из заносов времени и завалов земли, закреплённую снизу мощными корнями десятков своих занятий, для этого надо было иметь и недюжинную силу, и упорство, и почти тельную любовь к своему герою. Всё о себе рассказал наш неутомимый предок, но его литературное наследие составило 350 рукописных книжек, а круг его деятельности был настолько обширен, что в наше время едва ли оказался бы по плечу даже сводному научно-исследовательскому институту с сотней сотрудников. Удивительней всего то, что при этих немереных и исключительных трудах Андрея Тимофеевича “добывать” его пришлось Ганичеву почти из полного небытия, и это после кончины Болотова в 1833 году (а прожил он 95 лет) оказалось второе или даже третье небытие: вспомнят, подивуются, поахают над неоглядностью его “тягла” и опять забывают. Перед уроком столь урожайной, столь плодovитой жизни потомки почему-то раз за разом одинаково пасовали.

А ведь вот он – русский человек в его развитии, каким он мог стать уже через сто лет. До Пушкина потребовалось бы, по предположению Гоголя, двести лет, но Пушкин – явление слишком неземное, слишком возвышенное и гениальное, и чтобы дорости до него, необходимы не одни лишь календарные сроки. А Болотов обширней, но и проще, доступней. Его призванием стало жить с тем максимальным напряжением и с той полновесной пользой, которые могут быть уделом не только одиночек.

После военной службы и службы в столице Андрей Тимофеевич “сел” на свою родовую тульскую землю, словно бы не ведая, что до него тут кормились, наслаждались жизнью и выработали определённые навыки обращения с землёй многие и многие поколения. Он взялся хозяйничать на ней с любопытством и страстью первобытного человека, во всякое дело вникая, преобразуя, примешивая и пополняя так, будто прежний опыт своё отжил. Земля стареет, и он принялся украшать её и омолаживать, залечивать овраги, строить пруды, высаживать сады и рощи. Пашня истощается, и он ввёл севооборот, безотвальную вспашку, нашёл способ минерального питания посевов и тем самым положил начало агрономической науке в России. Культивировал новые сорта фруктов, внедрил картофель и помидоры, в то время ещё только завидившиеся; на каждое поле, на каждый участок завёл характеристики: где, когда и как засевалось, как удобрялось и что снималось; более полувека делал метеорологические наблюдения и аккуратно вносил в свои тетрадки. Вызнавал целебные свойства трав и корней и превратился в аптекаря; открыл школу для ребятишек и писал для них поучения и наставления; выпускал журнал, переводил с европейских языков, любил театр, музыку. Всё, к чему прикасался Болотов, с чем встречался, что представлялось ему устаревшим или громоздким, малопроизводительным или случайным, не обходило его рук, ума и сердца. Это был человек феноменальных познаний и работоспособности. “На меня приди около сего времени охота писать критику на все книги, которые мне прочитаться случалось, и критику особого рода, а не такую, какая и ныне пишется, но полезную”, – словно бы изнывая от безделья, заносит он в свои “записки” вновь отысканное занятие. И, разумеется, пишет, находит досуг размышлять и о чистоте писательских помышлений, и о чистоте русского языка, подготавливая приход Пушкина.

Всё это, естественно, есть в тексте В. Н. Ганичева, и можно бы не отвлекаться на эти мимоходные подробности, касающиеся его героя, да вот беда: нельзя удержаться от восторга при встрече с ним!

Не стал русский человек Болотовым, не случилось этого, но ведь нельзя же отрицать и того, что и сам вездесущий Болотов был порождением смекалки и практической хватки русского человека; нельзя же не согласиться, что разностороннее и кипучее дело Болотова не могло умереть вместе с ним, не оставив и следа на оплодотворённой им земле. Такого не водится, что было и окончательно сплыло. Конечно, практические заведения и творческое наследие Андрея Тимофеевича достойны были лучшей участи в последующих поколениях, нежели та, что им досталась, но ведь для того, надо полагать, и является сейчас среди нас этот великий подвижник, чтобы напомнить о себе в нас, о втуне остающихся в нас талантах, требующих чуть ли не агрономической науки для их обработки и всходов.

“Да, были люди в наше время...” По лермонтовской строке, отсылающей их в прошлое, были они широкого и крепкого покроя. Но куда же, спрашивается, могли исчезнуть и этот крупный масштаб, и эти счастливые задатки, которыми славны были наши предки, в какие более благословенные края и более приветливые пристанища их унесло? Признаемся: помимо нас, деваться им некуда. В недрах наших кладовых, куда свалено старьё, они, с неотрошшими крыльями, тоскуют, должно быть, по воле, ибо давно не звучал и до сих пор не звучит зовущий в высоту молодецкий посвист. Они, недоразвитые и безмятежные, есть в нас, но мы и сами почти забыли о них, живя мелкими заботами и затухающими порывами.

Нетрудно понять, почему писатель и просветитель Валерий Ганичев прелестился многогранной и многотрудливой личностью писателя и просветителя Андрея Болотова. По полной и безоговорочной отданности Отечеству, частью по роду деятельности, по талантам они – в близком родстве. Сыны России. Разные времена, разные условия, другая “повестка дня”, но та же самая необходимость жертвенного служения, та же нужда в доводах, примерах, то же радетельство о родном. Те же самые “Русские вёрсты” (название одной из книг В. Ганичева), отмеривающие вершины, бездорожье и вечную потугу нашего исторического пути.

Стало быть, есть люди и в наше время. Мало, мало, надо неизмеримо больше, однако же хвала и тем, кто есть.

Что же касается этой книги, можно с уверенностью сказать: по автору и героям, по героям и автор. Из россов непобедимых.